

Тебя на свете нет, но как сказать:
ты умерла. Язык не повернётся...
Вся сотканная из добра и солнца,
обителью цветов ты стала, мать.

Теперь я вправе землю называть
Землёю-матерью, дающей мне с рожденья
тепло и свет. Твоё благословенье
несёт она в себе, я знаю мать.

И в день, когда сойду вглубь её,
застынет на губах моих улыбка.
И думать будет обо мне ошибкой,
что умер я, ушёл в небытие.

Скажите так: Его спокоен сон.
Спит на коленях материнских он.

Ушедшая корнями в пласт земной,
где дорогая мать спокойно спит,
листвою свежей с каждой весной
берёза белоствольная шумит.

И потому мне на земле, где рос,
берёзы все, как кровная родня,
что в шуме тихом каждой из берёз
мне слышится, как мать зовёт меня.

Берёзой старой, раскидавши ветви,
над материнской, над землёй заветной
мне видится Якутия моя.

В час радости и горя, знаю я,
благословит меня на путь земной
любимый голос матери родной.

Берестяной подойник сердцу милый,
украшенный волосяным шитьём.
Всё помнится, как мать моя доила
коров в прохладном летнике своём.

О, мама! Молоком струистым, белым
ты наполняла вёдра до краёв.
Наполнено ли было до предела
земное счастье скромное твоё?

Беду и горе тяжкие ты знала
и слёз горячих пролила немало.

Тому свидетель светлая луна.
Берестяной подойник твой – она?

И лунный свет я пью, как молоко,
мне поданое матери рукой.

4

Задумчив вечер, тих. Издалека
хомуса¹ звук доносится сердечный.
Как будто он струится сквозь века
из-за лесов, с заветного крылечка.

В тумане шевельнулась бровь дугой,
сверкнули очи чёрные слезами.
Неужто это мамы дорогой
тоскует молодость? О чём же плачет мама?

О, мама, мама, ведь душа твоя
была отзывчивее хомуса, помню я.
Искусным мастером хомус был сделан тот.
Твоя душа в моей душе живёт.

И, как хомус, мелодию хранит,
в печали о тебе звенит, звенит.

5

На празднике, в кругу, седая вся,
чорон² священный к солнцу вознеся,
почтеннейшая женщина стоит.
Заздравная торжественно звучит.

¹ Хомус – музыкальный инструмент.

² Чорон – чаша.

Мне так она близка, и вижу я:
лицо её светло и стать легка.
В ней – гордая Якутия моя,
в ней – Лена, полноводная река.

И мать любимая моя такой была
почтенной, седовласой, как она.
Казалось, для того и создана,
чтоб совершать лишь добрые дела.

Всё видится мне мать, не кто иной,
стоит, благославляя мир земной

6

Прохладным летним утром, просыпаясь,
среди аласов¹ голоса звенят.
Всё как всегда, но прошлое, врываясь,
печаль на сердце будит у меня.

Мычит протяжно старая корова,
зовёт кого-то, замолкая, ждёт...
И кобылица, потеряв надежду, снова
отчаянно, ища кого-то, ржёт.

По матери моей они, тоскуя,
ждут, что вот-вот она придёт
с берестяным подойником... рукою
по их бокам легонько проведёт.

И лишь очаг родной не встрепенётся.
Он знает, что хозяйка не вернётся.

¹ Алас – круглая поляна, где жили якуты отдельной семьёй, родом.

Светлый летний исыаха¹ день
 собирает в добрый круг людей,
 хоровод нарядных женщин – цвет и блеск,
 словно радуга, слетевшая с небес.

Всё мне кажется: в том праздничном кругу
 мать любимую свою найти смогу.
 В каждой женщине хочу увидеть мать.
 Каждой женщине хочу покой отдать.

Не способно сердце лгать моё,
 столько лет я всё ищу её.
 В каждой женщине с ней сходство нахожу
 в том кругу. И потом спешу

каждый раз, лишь только вспыхнет день
 Исыаха, в тёплый круг людей.

Лиственницы опустили ветви,
 круглую поляну охраняя.
 И на ней протяжно и приветно
 слышатся напевы эсека².

Сколько же, пройдя веков, звучит он,
 в хоровод вплетаясь простодушно.
 Голоса бы ни звучали чьи там.
 Голос матери мою тревожит душу.

¹ Исыах – национальный якутский праздник.

² Эсекай – старинный якутский напев.

И пока напев тот, существуя,
будет на поляне раздаваться,
буду жить и петь я, торжествуя,
и мечтать, и плакать, и смеяться.

Ведь при первых звуках эсекая
ты ко мне приходишь, дорогая.

9

Для якута нет поры желанней,
чем подлёдный лов. И утром ранним
старики и дети – все на лёд!
Веселится и скользит народ.

В это утро в шапочке песцовой,
как на праздник, мать туда спешила,
кушаком перетянувшись новым,
карасей уснувших ворошила

в проруби берёзовым шестом.
Как она орудовала бойко!
Как она на льду держалась стойко!
И смеялась громче всех потом.

В эти дни я слышу смех тот милый.
Это он даёт мне снова силы.

10

Сравню нашу пашню с ладонью,
мужицкой ладонью сухой.
Мой дед её вспахивал, помню,
простой деревянной сохой.

А мама за ним попевала,
и лёгким движеньем она
во влажную землю бросала
отборные семена.

И осенью чёрная нива
была золотисто-ясна.
Родная, не ты ль заронила
мне в душу любви семена,

чтоб осенью всходы взошли
на благо родимой земли.

11

Вкус земляники, свежей и румяной,
с лесной поляны с детства мне знаком.
Он отдавал немного чистым, пряным
и сладким материнским молоком.

Тех ягод спелых в горсть набрав, бывало,
ликуя, в юрту к матери я мчал,
дверь распахнувши, радостно кричал,
и мать меня с улыбкою встречала.

И радовалась, видел я, со мной,
моей щеки своей щекой касалась.
И пахло земляникою лесной
её лицо, так в детстве мне казалось.

И до сих пор мне свежих ягод вид –
«Снеси гостинец маме» – говорит.

Держал я в детстве с матерью пари.
Она сказала, приласкав меня:
«Уж если проиграешь, подари
мне белого, как лунный свет, коня».

Я то пари нарочно проиграл,
хотел доставить радость ей, любя.
«Ну что ж, я приведу коня, – сказал, –
коня белее снега, для тебя».

Родная, нет тебя со мной давно,
но слово данное сдержал я всё равно,
привёл коня поэзии моей,
крылатого. И нет его белей.

Прекрасного, как лунный свет, коня
дарю тебе я, голову склоня.

Тот день не забыть мне, впервые когда
чирка подстрелил на лесном озерке.
Помчался я к матери милой тогда
с охотничьей первой добычей в руке.

О, как была рада охотнику мать!
И думаю я, если б люди земли
смогли матерей своих не огорчать,
лишь радость дарить научиться смогли.

Так часто приходит желанье ко мне
порадовать мать... но желанье своё

исполнить сумел бы я только во сне,
ведь бродит лишь ветер по следу её.

И шепчет мне ветер: «Обрадуешь мать,
коль людям сумеешь ты радость отдать...»

14

Берёза, ты поистине светла,
тебя священной люди нарекли.
Твой свет, летящий к солнцу от ствола,
как песня тихая, как белый дух земли.

Недаром колыбели для детей
из древесины ладили твоей,
а из твоей священной бересты
сосуды получались так чисты!

В народе вера прочная живёт,
что смерть к хорошим людям не придёт.
Хороший человек добром храним,
он деревом становится живым.

И всей душою в это верю я:
в берёзу превратилась мать моя.

15

Десятилетним пареньком
я был с трудом уже знаком.
Была мала коса моя,
но ею всласть работал я,

траву зелёную косил...
И как-то, выбившись из сил,

уснул под деревом. Сквозь сон
косы я слышал тихий звон.

Но наяву, а не во сне,
склонившись мать моя ко мне,
накрыла стареньким платком,
и стало мне легко, легко...

В часы усталости так хочется порой
мать попросить: платком меня накрой!

16

Как старую юрту я встречу –
мне грустно опять и опять.
Всё кажется: в сумрачный вечер
там ждёт меня милая мать...

С времён незапамятных дома
огонь ожиданья горит.
Вот коновязь из-под ладони
на тропку лесную глядит.

Крылатой кометой лечу я
сквозь годы опять и опять,
и мать дорогую хочу я
к сыновнему сердцу прижать.

Живут на свете вечно сын и мать.
Восходит солнце, чтобы их встречать.